
СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Александра Осаволук, Елена Цацура

МОНЕТАРНАЯ И ДЕПРИВАЦИОННАЯ БЕДНОСТЬ СРЕДИ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ: РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ И ЗАНЯТОСТИ

В статье анализируется связь образования и занятости с монетарной и депривационной бедностью среди людей с инвалидностью в России. Эмпирическую основу исследования составляют микроданные выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения (КДУ) Росстата за 2023 г. Монетарная бедность определяется на основе официальной границы бедности, депривационная измеряется с помощью индекса, включающего десять деприваций. Для оценки факторов бедности используются бинарные и мультиномиальные логит-модели. Результаты показывают, что образование и занятость связаны с различными формами бедности неодинаковым образом. Высшее образование устойчиво ассоциировано с более низкой вероятностью монетарной бедности, тогда как его связь с депривационной бедностью выражена слабее. Занятость, напротив, демонстрирует наиболее сильную связь именно с депривационной бедностью. Кроме того, значимую роль играют возраст, семейное положение и самооценка здоровья. Анализ

Александра Осаволук — мл. н. с., Центр «Институт социального анализа и прогнозирования», Институт прикладных экономических исследований, РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8689-5260> Электронная почта: osavolyuk-aa@ranepa.ru

Елена Цацура — к. социол. н., в. н. с., Центр «Институт социального анализа и прогнозирования», Институт прикладных экономических исследований, РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9142-2070> Электронная почта: tsatsura-ea@ranepa.ru

вклада различных групп факторов показывает, что региональная принадлежность объясняет значительную часть вариации как монетарной, так и особенно депривационной бедности. Полученные результаты свидетельствуют о том, что монетарная и депривационная бедность отражают различные аспекты социального неблагополучия людей с инвалидностью и не могут рассматриваться как взаимозаменяемые показатели. Депривационная бедность в большей степени связана с возможностями социальной интеграции и условиями проживания, чем с уровнем доходов как таковым. Это позволяет рассматривать показатели деприваций в качестве дополнительного инструмента оценки качества жизни людей с инвалидностью и эффективности региональной социальной политики.

Ключевые слова: инвалидность, монетарная бедность, депривационная бедность, социальная политика, качество жизни

Цитирование: Осаволюк А., Цапура Е. (2026) Монетарная и депривационная бедность среди людей с инвалидностью: роль образования и занятости. *Журнал исследований социальной политики*, 24 (2): 225–242.

DOI: 10.17323/727-0634-2026-24-2-225-242

К началу 2025 г. в России на учете состояли 11,1 млн чел. с инвалидностью, что составляет 7,6% населения страны (Щербакова 2025). Во всем мире инвалидность связана с повышенной социальной и экономической уязвимостью как самих людей с инвалидностью (ЛсИ), так и домохозяйств, в которых они проживают. Исследования показывают, что ЛсИ чаще имеют более низкий уровень образования и занятости (Mitra et al. 2011; Grammenos 2013), более высокий риск безработицы и бедности (Mussida, Sciulli 2024; Jones, McVicar 2020; Brucker et al. 2015; Mitra et al. 2011; She, Livermore 2009). Необходимость ухода может ограничить трудовую активность и других членов домохозяйств (Mussida, Sciulli 2019; Braakmann 2014; Mitra et al. 2011; Parodi, Sciulli 2008). Исследования также показывают, что домохозяйства, включающие ЛсИ, нередко уступают другим домохозяйствам по уровню доходов и расходов, условиям жизни и доступу к базовым благам (Banks et al. 2020; Banks et al. 2017; O’Keefe 2007). Хотя масштабы такого неравенства различаются между странами (Mitra et al. 2011), во многих обществах инвалидность связана с более высокой вероятностью монетарной и многомерной бедности (Banks et al. 2021; Pinilla-Roncancio, Alkire 2021; Mitra et al. 2013). Исследователи подчеркивают, что монетарный подход недостаточен для оценки положения ЛсИ. В данном случае бедность выходит за пределы уровня доходов и включает ограничения в удовлетворении повседневных потребностей, доступе к образованию и занятости, поддержании здоровья и обустройстве жилья (Huan et al. 2010; Rose et al. 2009; She, Livermore 2007). Домохозяйства, включающие ЛсИ, нередко несут дополнительные расходы на специальное питание, оборудование и лечение, поэтому даже при сопоставимых доходах

их уровень жизни может быть ниже, а риск депривации — выше (Roddy 2022; Mitra et al. 2017; Zaidi, Burchardt 2005).

Такое понимание бедности соотносится с современными подходами к инвалидности. В отличие от медицинской модели, трактующей инвалидность как совокупность индивидуальных ограничений, социальная и биопсихосоциальная парадигмы рассматривают ее как результат взаимодействия человека с окружающей средой. В этой перспективе депривации связаны не только с состоянием здоровья, но и с институциональными барьерами среды, доступностью рынка труда и социальной инфраструктуры.

В ряде исследований особое внимание уделяется проблеме эндогенности инвалидности и бедности (Mussida, Sciulli 2024; Gannon, Nolan 2007; Jenkins, Rigg 2004). Инвалидность повышает риск бедности, однако бедность также может увеличивать вероятность инвалидизации. Хроническая бедность связана с более высокими рисками плохого здоровья и состояний, способных привести к инвалидности (Mitra et al. 2013). Недоедание, неблагоприятные жилищные условия и небезопасный труд способны ухудшать состояние здоровья, тогда как люди, получившие инвалидность в условиях бедности, нередко сталкиваются с дальнейшим снижением уровня жизни (Grose et al. 2011). Социально-экономическое положение домохозяйства также выступает важным фактором деприваций, связанных с инвалидностью. Менее обеспеченные семьи располагают меньшими возможностями для ухода и поддержки, содействия образованию и последующему выходу ЛсИ на рынок труда (Wagner et al. 2014). Социально-экономическое положение влияет и на социальные связи, возможности общения и участия в общественной жизни (Qiu et al. 2023; Achdut, Sarid 2020). Значимую роль играет и сфера социальной поддержки. Пособия, сопоставимые с трудовыми доходами, а также доступ к услугам, компенсирующим дополнительные издержки инвалидности (реабилитации, техническим средствам, оборудованию жилья и социальному обслуживанию) могут снижать риск бедности и ухудшения уровня жизни (Mussida, Sciulli 2024; Mitra et al. 2011). Вместе с тем программы, основанные на критериях нуждаемости, способны создавать барьеры для занятости ЛсИ (Clarkson-Hendrix, Cyr 2023).

В последние годы данная проблематика активно обсуждается и в отечественных исследованиях. Отмечается, что пенсионеры по инвалидности характеризуются более низким уровнем материального благосостояния по сравнению с пенсионерами по старости. В группу бедных чаще попадают инвалиды детства и ЛсИ трудоспособного возраста, тогда как пенсионеры с инвалидностью по ряду показателей благосостояния не отличаются от остальных пенсионеров. Риск бедности выше в домохозяйствах с неработающими ЛсИ (Беглова 2016). Вероятность бедности возрастает при инвалидности взрослого человека трудоспособного возраста, а также проживании в сельской местности или малых городах и наличии детей, особенно дошкольного возраста (Коржук 2021). Более крупные домохозяйства

с ЛСИ чаще оказываются бедными, тогда как одиночные домохозяйства менее подвержены этому риску (Хасанова, Макаренцева 2018). Для семей с детьми наличие взрослого с инвалидностью связано с более высокой вероятностью монетарной бедности, а наличие ребенка или взрослого с инвалидностью — с более высоким уровнем депривационной бедности (Гришина 2018). В России также отмечается, что для домохозяйств с инвалидностью депривационная бедность характерна в большей степени, чем монетарная (Шабанов 2020; Гришина 2018).

Вместе с тем отечественные исследования преимущественно сосредоточены на анализе бедности домохозяйств, включающих ЛСИ, тогда как сравнительный анализ монетарной и депривационной бедности на индивидуальном уровне остается ограниченным. Особенно редко рассматривается роль образования и занятости как факторов, потенциально связанных с различными формами бедности. В рамках социальной и биопсихосоциальной моделей инвалидности образование и занятость могут рассматриваться как ключевые ресурсы социальной интеграции. Однако механизмы их влияния на различные формы бедности неодинаковы. Образование способствует накоплению человеческого капитала и расширяет возможности получения более стабильной занятости и доходов. Поэтому можно ожидать его более тесной связи с монетарной бедностью. Влияние занятости не сводится к получению заработка. Работа обеспечивает доступ к социальным связям, информации, общественному участию и повседневной мобильности, что позволяет предполагать более тесную связь занятости с депривационной бедностью.

В связи с этим исследование направлено на ответ на следующий вопрос: как связаны образование и занятость с монетарной и депривационной бедностью среди ЛСИ в России? Особый интерес представляет сравнение того, различаются ли механизмы связи образования и занятости с двумя формами бедности и какие факторы вносят наибольший вклад в их объяснение.

Методология исследования

Данные

Эмпирическую основу исследования составляют данные выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения, социального обслуживания и содействия занятости населения Росстата (КДУ) за 2023 г. Обследование охватывает около 110 тыс. чел. из 48 тыс. домохозяйств, включая порядка 5 тыс. ЛСИ (5% выборки). Для анализа отобраны респонденты с установленной инвалидностью в возрасте 25 лет и старше. Нижняя возрастная граница обусловлена необходимостью исключить лиц, еще не завершивших получение образования. Итоговый объем выборки составил 4960 наблюдений. В регрессиях это число наблюдений несколько уменьшается в связи с пропусками в данных.

Основное преимущество КДУ для целей данного исследования заключается в возможности сопоставления монетарной и депривационной бедности. Монетарная бедность определяется на основе переменной «Признак малоимущего населения», отражающей принадлежность к населению с доходами ниже границы бедности. Депривационная бедность рассчитывалась авторами на основе десяти индикаторов материальных лишений, характеризующих возможности удовлетворения базовых потребностей, качество питания, доступ к медицинским услугам и поддержание жилищных условий (табл. П1 электронного приложения). На основе указанных показателей сформирован бинарный индекс деприваций, принимающий значение 1 при наличии четырех и более деприваций. Пороговое значение (4+) выбрано исходя из критериев методологической преемственности (Фролова 2018), устойчивости моделей и содержательной интерпретируемости.

Уровни монетарной и депривационной бедности среди ЛсИ представлены на рис. 1.

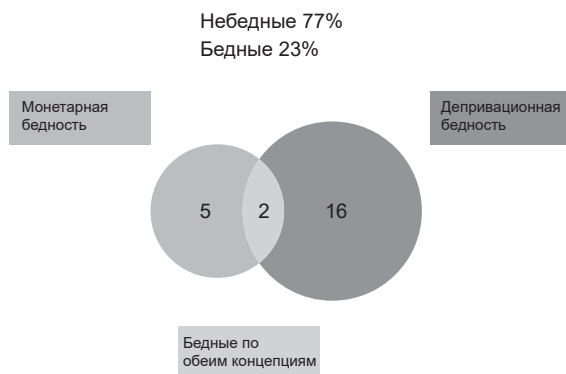

Рис. 1 Структура бедности среди людей с инвалидностью 25 лет и старше, %

Как показано, среди ЛсИ в возрасте 25 лет и старше бедными по крайней мере по одной из концепций являются 23 % респондентов. При этом депривационная бедность распространена существенно шире монетарной: 16 % респондентов относятся исключительно к депривационно бедным, тогда как только 5 % являются исключительно монетарно бедными. Еще 2 % одновременно относятся к обеим категориям. Полученные результаты подтверждают, что оценка положения людей с инвалидностью только через уровень доходов не позволяет в полной мере выявить масштабы неблагополучия.

Более подробное распределение различных типов бедности по социально-демографическим характеристикам представлено в табл. П2 электронного приложения. Предварительный анализ показывает, что депривационная бедность чаще встречается среди женщин, пожилых людей, лиц с более низким уровнем образования и респондентов, не имеющих партнера. Наиболее

заметные различия связаны со статусом занятости: среди работающих ЛсИ доля депривационно бедных составляет 6%, тогда как среди неработающих — 19%. При этом описательная статистика не позволяет определить, сохраняются ли выявленные различия после учета других факторов. Для решения этой задачи далее используется многомерный анализ.

Переменные и методы анализа

Для оценки связи образования и занятости с монетарной и депривационной бедностью использовались модели бинарного логита (*Logit*). Дополнительно была построена модель мультиномиального логита (*Multinomial logit*), где зависимая переменная отражает четыре состояния: небедные, монетарно бедные, депривационно бедные и бедные по обоим концепциям. Базовой категорией выступают небедные респонденты. Региональная неоднородность учитывалась посредством фиксированных эффектов субъектов РФ в логит-моделях и кластеризации стандартных ошибок по регионам в мультиномиальных моделях. Полученные результаты отражают статистические связи и не позволяют делать выводы о причинно-следственных отношениях.

Основными независимыми переменными выступают уровень образования и статус занятости. Образование представлено тремя категориями: школьное образование и ниже, среднее профессиональное и высшее. Базовой категорией является школьное образование и ниже. Статус занятости фиксирует наличие оплачиваемой работы на момент обследования. В качестве контрольных переменных учитывались пол, возраст, брачный статус, тип населенного пункта, самооценка здоровья, число ЛсИ в домохозяйстве, а также характеристики инвалидности: вид ограничений жизнедеятельности, группа инвалидности и наличие статуса инвалида с детства. Описание всех переменных представлено в табл. ПЗ электронного приложения.

В выборке преобладают женщины (56%), средний возраст респондентов составляет 62 года. Более половины респондентов имеют супруга или партнера (54%), проживают в городах (53%), и оценивают свое здоровье как среднее (64%). Среднее профессиональное образование имеют 47% респондентов, высшее — 22%, оплачиваемую работу — 24%. Большинство участников выборки являются единственными ЛсИ в своем домохозяйстве (82%).

Во всех моделях использовались весовые коэффициенты, обеспечивающие национальную репрезентативность данных. Расчеты выполнены в *Stata 19*. Модели оценивались для полной выборки, а также отдельно для респондентов трудоспособного (25–64 года) и пенсионного (65 лет и старше) возраста.

Факторы монетарной и депривационной бедности: результаты Logit-моделирования

Ниже представлены результаты расчета средних предельных эффектов logit-моделей для основных переменных интереса — образования и занятости

(табл. 1). Полные результаты моделей приведены в приложении (табл. П4, П5 электронного приложения).

Таблица 1

Предельные эффекты для Logit-моделей

Переменные	Монетарная бедность			Депривационная бедность		
	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5	Модель 6
	Все	25–64 лет	65+ лет	Все	25–64 лет	65+ лет
Среднее профессиональное	–0.017* (0.010)	–0.012 (0.017)	–0.036** (0.016)	–0.003 (0.015)	–0.014 (0.019)	0.003 (0.024)
Высшее	–0.062*** (0.016)	–0.080*** (0.024)	–0.086*** (0.030)	–0.039* (0.021)	–0.090*** (0.028)	0.012 (0.031)
Занятость (базовая категория — Не занят)	–0.042*** (0.013)	–0.079*** (0.019)	–0.075 (0.051)	–0.158*** (0.024)	–0.133*** (0.021)	–0.159** (0.075)
Число наблюдений	4707	2164	1294	4925	2269	2459
Псевдо R2	0.245	0.274	0.244	0.178	0.244	0.155
log likelihood	–725421	–489545	–151295	–1503000	–664179	–765770

Примечание. В моделях 1–3 зависимой переменной является монетарная бедность, в моделях 4–6 — депривационная бедность. ***, ** и * обозначают статистическую значимость на 1, 5 и 10% соответственно. В скобках приведены робастные стандартные ошибки.

Источник: расчеты авторов на основе данных КДУ, 2023 г.

Наличие высшего образования устойчиво связано с более низкой вероятностью монетарной бедности. Во всех возрастных группах вероятность оказаться в числе монетарно бедных для людей с высшим образованием на 6–9 п.п. ниже по сравнению с респондентами, имеющими школьное образование и ниже. Для среднего профессионального образования аналогичная связь наблюдается только среди ЛсИ пенсионного возраста, где вероятность монетарной бедности ниже примерно на 4 п.п. Связь образования с депривационной бедностью выражена слабее. Статистически значимый эффект высшего образования наблюдается преимущественно среди респондентов трудоспособного возраста, для которых вероятность депривационной бедности ниже на 9 п.п., тогда как в старшей возрастной группе значимые различия отсутствуют.

Занятость также связана с более низкой вероятностью бедности, однако ее роль наиболее заметна в отношении депривационной бедности. Для монетарной бедности наличие работы ассоциировано со снижением вероятности бедности на 4 п.п. для всей выборки и на 8 п.п. для людей трудоспособного возраста. Среди пожилых ЛсИ статистически значимая связь не обнаружена. В случае депривационной бедности занятость сохраняет статистическую значимость во всех возрастных группах и связана со снижением вероятности бедности на 13–16 п.п.

Для оценки относительного вклада различных групп факторов в объяснение бедности рассчитан вектор Шепли (рис. П1 электронного приложения). Результаты показывают, что как монетарная, так и депривационная бедность в большей степени связаны с социально-демографическими и территориальными характеристиками, чем с индивидуальными ресурсами образования и занятости. В модели монетарной бедности наибольший вклад в объясняющую способность модели вносят социально-демографические характеристики (47%) и региональный фактор (39%). Образование и занятость совместно объясняют около 6% вариации, причем образование вносит больший вклад, чем занятость. Для депривационной бедности значение регионального фактора возрастает еще сильнее: на него приходится 56% объясненной вариации против 27% для социально-демографических характеристик. Вклад образования и занятости остается сравнительно небольшим (около 9%), однако в отличие от монетарной бедности занятость оказывается более значимым фактором, чем образование.

Полученные результаты свидетельствуют о выраженной территориальной структурированности депривационной бедности среди ЛСИ. Даже после учета социально-демографических характеристик, состояния здоровья и параметров инвалидности региональный фактор сохраняет ключевое значение для объяснения различий в уровне деприваций. Вероятность столкнуться с ними определяется не только индивидуальными ресурсами, но и региональными различиями в доступности социальной поддержки, медицинских услуг, реабилитации, транспорта и безбарьерной среды. В этом смысле депривационная бедность отражает не только недостаток доходов, но и неравенство доступа к инфраструктурным и институциональным ресурсам.

Различные формы бедности среди ЛСИ: результаты мультиномиального логит-анализа

Результаты мультиномиального логит-анализа позволяют уточнить различия между отдельными формами бедности (табл. 2). В отличие от бинарных моделей, данный подход показывает, с какими именно категориями бедности связаны образование и занятость по сравнению с группой небедных респондентов.

Образование демонстрирует неоднородную связь с различными формами бедности. Среднее профессиональное образование связано с более низкой вероятностью монетарной бедности (на 3 п.п.), тогда как для депривационной бедности и бедности по обоим типам статистически значимые различия отсутствуют. Высшее образование также прежде всего связано с более низкой вероятностью монетарной бедности: вероятность попадания в данную категорию снижается на 3–6 п.п. в зависимости от возрастной группы. Кроме того, среди респондентов трудоспособного возраста высшее образование связано с более низкой вероятностью бедности по обоим концепциям одно-

временно. При этом статистически значимой связи между высшим образованием и исключительно депривационной бедностью не обнаружено.

Занятость демонстрирует иную картину. Наличие работы связано со снижением вероятности попадания во все категории бедности, однако наиболее выраженный эффект наблюдается для депривационной бедности. Для всей выборки вероятность оказаться в этой категории ниже на 14 п. п., для людей пенсионного возраста — на аналогичную величину. Для монетарной бедности и бедности по обеим концепциям соответствующие эффекты существенно слабее и составляют около 2–4 п. п.

Таблица 2

Предельные эффекты для Multinomial Logit-моделей

Переменные	Мультиномиальная логит-модель (базовая категория — Небедные)			
	Бедность по обеим концепциям	Монетарная бедность	Депривационная бедность	Небедные
Модель 7 — для всех возрастов				
Среднее профессиональное	–0.005	–0.026***	0.008	0.023
	(0.005)	(0.010)	(0.015)	(0.016)
Высшее	–0.034***	–0.047***	–0.008	0.089***
	(0.010)	(0.015)	(0.022)	(0.025)
Занятость (базовая категория — Не занят)	–0.022***	–0.022**	–0.144***	0.187***
	(0.008)	(0.009)	(0.027)	(0.027)
Модель 8 — 25–64 года				
Среднее профессиональное	–0.005	–0.036**	0.016	0.025
	(0.008)	(0.017)	(0.017)	(0.017)
Высшее	–0.058***	–0.062***	–0.029	0.149***
	(0.017)	(0.023)	(0.027)	(0.035)
Занятость (базовая категория — Не занят)	–0.039***	–0.045***	–0.097***	0.181***
	(0.014)	(0.014)	(0.023)	(0.023)
Модель 9 — 65+ лет				
Среднее профессиональное	–0.005	–0.019**	–0.008	0.032
	(0.004)	(0.008)	(0.026)	(0.027)
Высшее	–0.008	–0.034**	0.009	0.033
	(0.006)	(0.017)	(0.033)	(0.033)
Занятость (базовая категория — Не занят)	–0.002	–0.041	–0.142**	0.185***
	(0.006)	(0.029)	(0.064)	(0.068)

Примечание. ***, ** и * указывают на статистическую значимость коэффициентов на уровнях 1, 5 и 10% соответственно. В скобках представлены стандартные ошибки, кластеризованные по субъектам Российской Федерации.

Источник: расчеты авторов на основе данных КДУ 2023 г.

Заключение и дискуссия

Настоящее исследование направлено на анализ связи образования и занятости с монетарной и депривационной бедностью среди ЛсИ в России. Полученные результаты показывают, что данные факторы связаны с различными формами бедности неодинаковым образом. Высшее образование наиболее устойчиво связано со снижением риска монетарной бедности, тогда как занятость демонстрирует более сильную связь с депривационной бедностью. Результаты мультиномиального анализа подтверждают данный вывод: образование прежде всего связано со снижением вероятности попадания в категорию монетарно бедных, тогда как занятость сильнее связана со снижением риска депривационной бедности.

Полученные результаты позволяют предположить, что образование и занятость воздействуют на благополучие людей с инвалидностью через различные механизмы. Образование способствует накоплению человеческого капитала и расширяет возможности получения стабильного дохода. Занятость, помимо экономической функции, обеспечивает доступ к социальным связям, информации, услугам и общественному участию. Это объясняет более тесную связь занятости с депривационной бедностью, отражающей не только недостаток денежных ресурсов, но и ограничения в доступе к возможностям и условиям жизни.

Исследование также показало, что бедность людей с инвалидностью определяется не только индивидуальными характеристиками. Анализ вклада различных групп факторов продемонстрировал высокую значимость регионального контекста, особенно для депривационной бедности. Согласно расчетам вектора Шепли, региональный фактор объясняет более половины вариации депривационной бедности и около 40 % вариации монетарной бедности. Кроме того, устойчивую связь с депривационной бедностью демонстрируют семейное положение и самооценка здоровья. Это свидетельствует о том, что риски бедности формируются не только через доходы и занятость, но и через доступность инфраструктуры, социальных услуг, медицинской помощи и неформальных ресурсов поддержки.

Полученные результаты также указывают на важную роль ближайшего социального окружения в формировании рисков бедности. Наличие супруга или партнера устойчиво связано с более низкой вероятностью депривационной бедности во всех возрастных группах, а увеличение числа людей с инвалидностью в домохозяйстве также ассоциировано со снижением рисков как монетарной, так и депривационной бедности. Данные результаты позволяют предположить, что благополучие людей с инвалидностью определяется не только индивидуальными ресурсами, такими как образование, занятость или состояние здоровья, но и доступом к ресурсам поддержки внутри домохозяйства. В отличие от монетарной бедности, отражающей прежде всего ограниченность доходов, депривационная бедность

в большей степени связана с возможностями получения повседневной помощи, обмена ресурсами и социальной включенности. Это дополнительно подтверждает, что анализ положения людей с инвалидностью требует учета не только индивидуальных характеристик, но и социальных отношений, в которые они встроены.

С точки зрения социальной политики результаты исследования позволяют по-новому взглянуть на проблему бедности людей с инвалидностью. Полученные данные показывают, что монетарная и депривационная бедность не являются взаимозаменяемыми измерениями неблагополучия. Если монетарная бедность в большей степени связана с индивидуальными ресурсами, прежде всего образованием, то депривационная бедность определяется значительно более широким кругом факторов, включая занятость, состояние здоровья, семейные ресурсы и особенности регионального контекста. Особенно показательно, что наибольший вклад в объяснение депривационной бедности вносит именно региональный фактор. Это означает, что снижение доходной бедности само по себе не гарантирует преодоления деприваций. Для людей с инвалидностью качество жизни зависит не только от объема располагаемых ресурсов, но и от возможностей их использования в конкретной социальной среде. В этом смысле депривационная бедность выступает индикатором не столько недостатка доходов, сколько ограниченности доступа к инфраструктуре, услугам и механизмам социальной интеграции. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости перехода от преимущественно компенсационной модели поддержки к политике, ориентированной на сокращение территориального неравенства и расширение возможностей участия людей с инвалидностью в социальной жизни.

Особый интерес результаты исследования представляют для оценки региональных различий в положении людей с инвалидностью. Высокий вклад регионального фактора в объяснение депривационной бедности позволяет предположить, что показатели деприваций отражают не только индивидуальное материальное положение, но и качество социальной среды, в которой проживают люди с инвалидностью. В этом смысле депривационная бедность может рассматриваться как дополнительный индикатор эффективности региональной социальной политики и доступности инфраструктурных ресурсов. В отличие от показателей доходной бедности, она позволяет фиксировать ограничения, возникающие даже при наличии формально достаточных денежных ресурсов. Полученные результаты показывают перспективность использования депривационного подхода для мониторинга регионального неравенства в качестве жизни ЛСИ.

Исследование имеет ряд методологических ограничений. Во-первых, дизайн исследования не позволяет полностью исключить проблему эндогенности. Инвалидность может повышать риск бедности, тогда как бедность способна ухудшать состояние здоровья и увеличивать вероятность инвалидизации. Кроме того, образование и занятость сами могут

зависеть от факторов, связанных со здоровьем, семейными ресурсами и доступностью социальной инфраструктуры. Во-вторых, статус инвалидности основан на самооценке респондентов и не содержит медицинской верификации. В-третьих, использованный индекс деприваций преимущественно отражает материальные лишения и не охватывает ряд специфических ограничений, связанных с инвалидностью, включая доступность среды, транспорта, реабилитации, технических средств и услуг длительного ухода.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются использование панельных данных для анализа динамики бедности после получения инвалидности, изучение долгосрочных эффектов образования и занятости, а также разработка более комплексных показателей депривации, учитывающих специфические барьеры и дополнительные расходы, связанные с инвалидностью.

Выражение признательности

Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

Список источников

Беглова Е. И. (2016) Бедность в России: структура и формы проявления. *Уровень жизни населения регионов России*, 3 (201): 98–111.

Гришина Е. Е. (2018) Различные аспекты бедности семей с детьми. *Журнал «ЭКО»*, 3 (525): 7–26.

Коржук С. В. (2021) Риски бедности для домохозяйств людей с инвалидностью. *Регион: экономика и социология*, (4): 231–259.

Фролова Е. Б. (2018) *О совершенствовании методологических положений по расчетам индексов немонетарной бедности по итогам выборочных наблюдений по социально-демографическим проблемам. Доклад на заседание Научно-методологического совета Федеральной службы государственной статистики*. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/3TyHiD> (дата обращения: 12 февраля 2026).

Хасанова Р., Макаренцева А. (2018) Бедность инвалидов и домохозяйств с инвалидами. *Журнал «ЭКО»*, 48 (3): 44–59.

Шабанов В. Л. (2020) Депривационный подход в исследованиях бедности. *Теория и практика общественного развития*, 4 (146): 13–16.

Щербакова Е. (2025) *Инвалиды в России, 2025 год*. Демоскоп Weekly. Доступно по ссылке: <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01077/barom01.php> (дата обращения: 1 февраля 2026).

Achdut N., Sarid O. (2020) Socio-Economic Status, Self-Rated Health and Mental Health: The Mediation Effect of Social Participation on Early-Late Midlife and Older Adults. *Israel Journal of Health Policy Research*, 9 (1): 4.

Banks L. M., Hameed S., Kawsar Usman S., Kuper H. (2020) No One Left Behind? Comparing Poverty and Deprivation between People with and without Disabilities in the Maldives. *Sustainability*, 12 (5): 2066.

Banks L. M., Kuper H., Polack S. (2017) Poverty and Disability in Low-and Middle-Income Countries: A Systematic Review. *PloS One*, 12 (12): e0189996.

Banks L. M., Pinilla-Roncancio M., Walsham M., Van Minh H., Neupane S., Mai V. Q., Neupane S., Blanchet K., Kuper H. (2021) Does Disability Increase the Risk of Poverty 'in All Its Forms'? Comparing Monetary and Multidimensional Poverty in Vietnam and Nepal. *Oxford Development Studies*, 49 (4): 386–400.

Braakmann N. (2014) The Consequences of Own and Spousal Disability on Labor Market Outcomes and Subjective Well-Being: Evidence from Germany. *Review of Economics of the Household*, 12 (4): 717–736.

Brucker D. L., Mitra S., Chaitoo N., Mauro J. (2015) More Likely to be Poor Whatever the Measure: Working-Age Persons with Disabilities in the United States. *Social Science Quarterly*, 96 (1): 273–296.

Clarkson–Hendrix M., Cyr M. (2023) *Social Work Practice and Disability Communities: An Intersectional Anti-Oppressive Approach. Chapter 10: Employment, Housing, Poverty and the Disability Community*. ROTEL.

Gannon B., Nolan B. (2007) The Impact of Disability Transitions on Social Inclusion. *Social Science Medicine*, 64 (7): 1425–1437.

Grammenos S. (2013) European Comparative Data on Europe 2020. People with Disabilities. *Final Report on Behalf of the Academic Network of European Disability Experts (ANED)*.

Groce N., Kett M., Lang R., Trani J. F. (2011) Disability and Poverty: The Need for a More Nuanced Understanding of Implications for Development Policy and Practice. *Third World Quarterly*, 32 (8): 1493–1513.

Jenkins S. P., Rigg J. A. (2004) Disability and Disadvantage: Selection, Onset, and Duration Effects. *Journal of Social Policy*, 33 (3): 479–501.

Jones M. K., McVicar D. (2020) Estimating the Impact of Disability Onset on Employment. *Social Science Medicine*, (255): 113001.

Mitra S., Palmer M., Kim H., Mont D., Groce N. (2017) Extra Costs of Living with a Disability: A Review and Agenda for Research. *Disability and Health Journal*, 10 (4): 475–484.

Mitra S., Posarac A., Vick B. (2013) Disability and Poverty in Developing Countries: A Multidimensional Study. *World Development*, (41): 1–18.

Mitra S., Posarac A., Vick B. C. (2011) Disability and Poverty in Developing Countries: A Snapshot from the World Health Survey. *World Bank Social Protection Working Paper*, 1109.

Mussida C., Sciulli D. (2019) Does the Presence of a Disabled Person in the Household Affect the Employment Probabilities of Cohabiting Women? Evidence from Italy, France and the UK. *Journal of Family and Economic Issues*, 40 (3): 338–351.

Mussida C., Sciulli D. (2024) Poverty, Work Intensity, and Disability: Evidence from European Countries. *The European Journal of Health Economics*, 25 (9): 1605.

- O’Keefe P. (2007) *People with Disabilities in India: from Commitments to Outcomes*. Washington, DC: World Bank.
- Parodi G., Sciulli D. (2008) Disability in Italian Households: Income, Poverty and Labour Market Participation. *Applied Economics*, 40 (20): 2615–2630.
- Pinilla-Roncancio M., Alkire S. (2021) How Poor are People with Disabilities? Evidence Based on the Global Multidimensional Poverty Index. *Journal of Disability Policy Studies*, 31 (4): 206–216.
- Qiu N., Jiang Y., Sun Z., Du M. (2023) The Impact of Disability–Related Deprivation on Employment Opportunity at the Neighborhood Level: Does Family Socioeconomic Status Matter? *Frontiers in Public Health*, (11): 1232829.
- Roddy Á. (2022) Income and Conversion Handicaps: Estimating the Impact of Child Chronic Illness/Disability on Family Income and the Extra Cost of Child Chronic Illness/Child Disability in Ireland Using a Standard of Living Approach. *The European Journal of Health Economics*, 23 (3): 467–483.
- Rose R. A., Parish S. L., Yoo J. P. (2009) Measuring Material Hardship among the US Population of Women with Disabilities Using Latent Class Analysis. *Social Indicators Research*, 94 (3): 391–415.
- She P., Livermore G. A. (2007) Material Hardship, Poverty, and Disability among Working-Age Adults. *Social Science Quarterly*, 88 (4): 970–989.
- She P., Livermore G. A. (2009) Long-term Poverty and Disability among Working-Age Adults. *Journal of Disability Policy Studies*, 19 (4): 244–256.
- Wagner M. M., Newman L. A., Javitz H. S. (2014) The Influence of Family Socioeconomic Status on the Post-High School Outcomes of Youth with Disabilities. *Career Development and Transition for Exceptional Individuals*, 37 (1): 5–17.
- Zaidi A., Burchardt T. (2005) Comparing Incomes when Needs Differ: Equivalization for the Extra Costs of Disability in the UK. *Review of Income and Wealth*, 51 (1): 89–114.

Alexandra Osavolyuk, Elena Tsatsura

MONETARY AND DEPRIVATION POVERTY AMONG PERSONS WITH DISABILITIES: THE ROLE OF EDUCATION AND EMPLOYMENT

This article examines the relationship between education, employment, and monetary and deprivation poverty among disabled people in Russia. The study draws on microdata from the 2023 Russian Federal State Statistics Service (Rosstat) Survey on the Quality and Accessibility of Services in Education, Healthcare, Social Services, and Employment Assistance (KDU). Monetary poverty is measured using the official national poverty threshold, while deprivation poverty is assessed using an index comprising ten deprivation indicators. Binary and multinomial logistic regression models are employed to identify factors associated with the various forms of poverty. The findings demonstrate that education and employment are related to monetary and deprivation poverty in different ways. Higher education is consistently associated with a lower probability of monetary poverty, whereas its association with deprivation poverty is considerably weaker. By contrast, employment exhibits the strongest relationship with deprivation poverty. Additionally, age, marital status, and self-rated health are significant correlates of poverty. Analysing factor contributions shows that regional affiliation accounts for a substantial proportion of the variation in both monetary poverty and deprivation poverty, especially the latter. The results suggest that monetary and deprivation poverty capture different dimensions of social disadvantage among disabled people and should therefore not be treated as interchangeable indicators. Deprivation poverty is more closely associated with opportunities for social integration and living conditions than with income levels *per se*. This finding highlights the potential of deprivation indicators as an additional tool for assessing the quality of life of disabled people and the effectiveness of regional social policy.

Keywords: disability, deprivation poverty, monetary poverty, social policy, quality of life

Alexandra Osavolyuk — Junior Researcher, Center 'Institute of Social Analysis and Forecasting,' Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. ORCID <https://orcid.org/0000-0001-8689-5260>. Email: osavolyuk-aa@ranepa.ru

Elena Tsatsura — Cand. Sci. (Soc.), Leading Researcher, Center 'Institute of Social Analysis and Forecasting,' Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9142-2070>. Email: tsatsura-ea@ranepa.ru

Citation: Osavolyuk A., Tsatsura E. (2026) Monetarnaya i deprivatsionnaya bednost' sredi lyudey s invalidnost'yu: rol' obrazovaniya i zanyatosti [Monetary and Deprivation Poverty among Persons with Disabilities: The Role of Education and Employment]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 24 (2): 225–242.

DOI: 10.17323/727-0634-2026-24-2-225-242

Acknowledgments

This article was prepared within the framework of the state assignment of RANEPa.

References

- Achdut N., Sarid O. (2020) Socio-Economic Status, Self-Rated Health and Mental Health: The Mediation Effect of Social Participation on Early-Late Midlife and Older Adults. *Israel Journal of Health Policy Research*, 9 (1): 4.
- Banks L. M., Hameed S., Kawsar Usman S., Kuper H. (2020) No One Left Behind? Comparing Poverty and Deprivation between People with and without Disabilities in the Maldives. *Sustainability*, 12 (5): 2066.
- Banks L. M., Kuper H., Polack S. (2017) Poverty and Disability in Low-and Middle-Income Countries: A Systematic Review. *PloS One*, 12 (12): e0189996.
- Banks L. M., Pinilla–Roncancio M., Walsham M., Van Minh H., Neupane S., Mai V. Q., Neupane S., Blanchet K., Kuper H. (2021) Does Disability Increase the Risk of Poverty 'in All Its Forms'? Comparing Monetary and Multidimensional Poverty in Vietnam and Nepal. *Oxford Development Studies*, 49 (4): 386–400.
- Beglova E. I. (2016) Bednost' v Rossii: struktura i formy proyavleniya [Poverty in Russia: Structure and Forms of Manifestation]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population of Russian Regions], 3 (201): 98–111.
- Braakmann N. (2014) The Consequences of Own and Spousal Disability on Labor Market Outcomes and Subjective Well-Being: Evidence from Germany. *Review of Economics of the Household*, 12 (4): 717–736.
- Brucker D. L., Mitra S., Chaitoo N., Mauro J. (2015) More Likely to be Poor Whatever the Measure: Working-Age Persons with Disabilities in the United States. *Social Science Quarterly*, 96 (1): 273–296.
- Clarkson–Hendrix M., Cyr M. (2023) *Social Work Practice and Disability Communities: An Intersectional Anti-Oppressive Approach. Chapter 10: Employment, Housing, Poverty and the Disability Community*. ROTEL.
- Frolova E. B. (2018) *O sovershenstvovanii metodologicheskikh polozheniy po raschetam indeksov nemonetarnoy bednosti po itogam vyborochnykh nabljudeniy po social'no-demograficheskim problemam. Doklad na zasedanie Nauchno-metodologicheskogo soveta Federal'noj sluzhby gosudarstvennoy statistiki*. [On Improving Methodological Principles for Calculating Non-Monetary Poverty Indices Based on Sample Surveys on Socio-Demographic Issues. Report presented at the meeting of the Scientific and Methodological Council of the Federal State Statistics Service]. Available at: <https://clck.ru/3TyHiD> (accessed 12 February 2026).

- Gannon B., Nolan B. (2007) The Impact of Disability Transitions on Social Inclusion. *Social Science Medicine*, 64 (7): 1425–1437.
- Grammenos S. (2013) European Comparative Data on Europe 2020. People with Disabilities. *Final Report on Behalf of the Academic Network of European Disability Experts (ANED)*.
- Grishina E. E. (2018) Razlichnye aspekty bednosti semej s det'mi [Various Aspects of Poverty among Families with Children]. *Zhurnal 'JeKO'* [ECO Journal], 3 (525): 7–26.
- Groce N., Kett M., Lang R., Trani J. F. (2011) Disability and Poverty: The Need for a More Nuanced Understanding of Implications for Development Policy and Practice. *Third World Quarterly*, 32 (8): 1493–1513.
- Hasanova R., Makarenceva A. (2018) Bednost' invalidov i domohozhajstv s invalidami [Poverty among Persons with Disabilities and Households with Disabled Members]. *Zhurnal 'JeKO'* [ECO Journal], 48 (3): 44–59.
- Jenkins S. P., Rigg J. A. (2004) Disability and Disadvantage: Selection, Onset, and Duration Effects. *Journal of Social Policy*, 33 (3): 479–501.
- Jones M. K., McVicar D. (2020) Estimating the Impact of Disability Onset on Employment. *Social Science Medicine*, (255): 113001.
- Korzhuk S. V. (2021) Riski bednosti dlja domohozhajstv ljudej s invalidnost'ju [Poverty Risks for Households with Disabled People]. *Region: jekonomika i sociologija* [Region: Economics and Sociology], (4): 231–259.
- Mitra S., Palmer M., Kim H., Mont D., Groce N. (2017) Extra Costs of Living with a Disability: A Review and Agenda for Research. *Disability and Health Journal*, 10 (4): 475–484.
- Mitra S., Posarac A., Vick B. (2013) Disability and Poverty in Developing Countries: A Multidimensional Study. *World Development*, (41): 1–18.
- Mitra S., Posarac A., Vick B. C. (2011) Disability and Poverty in Developing Countries: A Snapshot from the World Health Survey. *World Bank Social Protection Working Paper*, 1109.
- Mussida C., Sciulli D. (2019) Does the Presence of a Disabled Person in the Household Affect the Employment Probabilities of Cohabiting Women? Evidence from Italy, France and the UK. *Journal of Family and Economic Issues*, 40 (3): 338–351.
- Mussida C., Sciulli D. (2024) Poverty, Work Intensity, and Disability: Evidence from European Countries. *The European Journal of Health Economics*, 25 (9): 1605.
- O'Keefe P. (2007) *People with Disabilities in India: from Commitments to Outcomes*. Washington, DC: World Bank.
- Parodi G., Sciulli D. (2008) Disability in Italian Households: Income, Poverty and Labour Market Participation. *Applied Economics*, 40 (20): 2615–2630.
- Pinilla–Roncancio M., Alkire S. (2021) How Poor are People with Disabilities? Evidence Based on the Global Multidimensional Poverty Index. *Journal of Disability Policy Studies*, 31 (4): 206–216.

Qiu N., Jiang Y., Sun Z., Du M. (2023) The Impact of Disability-Related Deprivation on Employment Opportunity at the Neighborhood Level: Does Family Socioeconomic Status Matter? *Frontiers in Public Health*, (11): 1232829.

Roddy Á. (2022) Income and Conversion Handicaps: Estimating the Impact of Child Chronic Illness/Disability on Family Income and the Extra Cost of Child Chronic Illness/Child Disability in Ireland Using a Standard of Living Approach. *The European Journal of Health Economics*, 23 (3): 467–483.

Rose R. A., Parish S. L., Yoo J. P. (2009) Measuring Material Hardship among the US Population of Women with Disabilities Using Latent Class Analysis. *Social Indicators Research*, 94 (3): 391–415.

Shabanov V. L. (2020) Deprivacionnyj podhod v issledovanijah bednosti [The Deprivation Approach in Poverty Research]. *Teorija i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 4 (146): 13–16.

She P., Livermore G. A. (2007) Material Hardship, Poverty, and Disability among Working-Age Adults. *Social Science Quarterly*, 88 (4): 970–989.

She P., Livermore G. A. (2009) Long-term Poverty and Disability among Working-Age Adults. *Journal of Disability Policy Studies*, 19 (4): 244–256.

Shherbakova E. (2025) Invalidy v Rossii, 2025 god [Persons with Disabilities in Russia, 2025]. *Demoskop Weekly*. Available at: <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01077/barom01.php> (accessed 1 February 2026).

Wagner M. M., Newman L. A., Javitz H. S. (2014) The Influence of Family Socioeconomic Status on the Post-High School Outcomes of Youth with Disabilities. *Career Development and Transition for Exceptional Individuals*, 37 (1): 5–17.

Zaidi A., Burchardt T. (2005) Comparing Incomes when Needs Differ: Equivalization for the Extra Costs of Disability in the UK. *Review of Income and Wealth*, 51 (1): 89–114.